

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРАКТОВКЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСПЕКТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию микросистемы средств выражения перспективности в английском языке с позиций логико-семантического подхода. Раскрывается семантика диктума высказывания в соответствии со средствами выражения модуса.

Ключевые слова: модус, диктум, сема, микросистема изофункциональных средств, перспективность, модальность.

Средства выражения будущего по отношению к прошедшему (перспективности) характеризуются изофункциональностью, которая не снимает присущих отдельным средствам семантических и стилистических различий. В своей совокупности они образуют микросистему, функция которой состоит в обеспечении значения перспективности [1, 4; 2, 23]. Ее компонентами являются: сочетание *would* ('d) + инфинитив, сочетание *should* + инфинитив, сочетание *to be* + инфинитив, конструкция *to be going* + инфинитив, сочетание *to be about* + инфинитив, форма *past continuous*, форма *past indefinite*, форма *past perfect*.

Объединяющим для этих средств является их значение – отнесение действия к будущему по отношению к прошедшему. Следует также указать, что всем этим средствам присуще значение гипотетичности, свойственное самому понятию будущего как категории вероятностной. Значение перспективности является для исследуемых средств «обобщенным грамматическим значением», которое проявляется отчетливо и однозначно у части реализаций данных средств, а в остальных случаях значение перспективности представлено в сочетании с другими значениями [3, 46].

В рамках микросистемы средств выражения перспективности объединены единицы, представляющие разные уровни системы английского языка, и, вследствие этого, их функционирование дифференцируется по ряду структурных и семантических факторов.

Центральное место в микросистеме средств выражения перспективности занимает сочетание *should* + инфинитив и *would* + инфинитив, что подтверждается высокой частотностью употребления, а также более об-

щим значением по сравнению с другими средствами выражения перспективности.

Вопрос о трактовке этих сочетаний занимает особое положение в теории грамматики, являясь предметом непрекращающейся полемики.

В этой связи необходимо напомнить, что *should* и *would* исторически являются формами прошедшего времени от модальных глаголов *shall* и *will*, употребляемых, как известно, в качестве средства выражения футуральности. Таким образом, *should* и *would* соединяют в себе одновременно две категориальные формы одной и той же грамматической категории времени – с одной стороны, представляют футуральность, а с другой – предшествование настоящему моменту. Исходя из принципов выделения грамматических категорий, выработанных А.И. Смирницким, следует, что *should* и *would* не могут быть внесены в категорию времени, так как «ни в какой словоформе не могут соединяться одновременно две категориальные формы одной и той же категории» [4, 8–10].

Кроме сочетаний *should* + инфинитив и *would* + инфинитив в микросистему средств выражения перспективности, как мы указывали, входит конструкция *to be going* + инфинитив, сочетание *to be* + инфинитив, *to be about* + инфинитив, временные формы *past continuous*, *past indefinite*, *past perfect*. Эти средства, как правило, рассматриваются в значении реального будущего, а не будущего по отношению к прошедшему, поэтому вопрос об их трактовке не занимает столь важного места в лингвистической литературе, как вопрос о статусе *should* + инфинитив и *would* + инфинитив.

Вопрос о трактовке исследуемых средств тесно сопрягается с проблемой будущего времени как понятийной категории.

По мнению Н.А. Слюсаревой, ориентация на будущее в очень большой степени определяется самим говорящим, зависит от его выбора и от его намерения представить будущий факт как реальность, которая независимо ни от каких условий будет иметь место или факт, зависящий от других явлений, или, наконец, как предполагаемый, желаемый факт [5, 70].

Понятие будущего времени рассматривается как более абстрактное по сравнению с понятием настоящего и прошедшего времени, тем самым, теснее связанное с модальными значениями желательности, необходимости предстоящего или предполагаемого действия. Более того, самому понятию будущего как «категории вероятностной» свойственна модальность потенциальности, гипотетичности действия. На эту особенность будущего времени указывают многие исследователи.

Модальность гипотетичности виртуально присуща всем средствам выражения будущего, а также в равной мере будущего по отношению к прошедшему – проспективности, так как само понятие будущего заключает в себе проблематичность, неопределенность.

Так, по мнению Л.С. Бархударова и Д.А. Штеллинга спецификой модального значения Future является то, что оно всегда делает сообщаемое в какой-то мере предположительным, проблематичным: сообщаемое мыслится как вполне осуществимое, но все же его еще нет в действительности, оно только ожидается или предполагается. Говорящий не может быть уверен в будущем, так как он уверен в прошедшем или настоящем, и поэтому «любое предсказание модально окрашено» [6, 169]. Аналогичные наблюдения приводятся в ряде других исследований.

В.Н. Ярцева пишет, что отнесение будущего времени к модальности «возможно, семантически ... объясняется тем оттенком неопределенности, который заложен в понятии будущности» [7, 15]. В ряде работ неоднозначность статуса будущего времени объясняется своеобразием морфологического оформления, которое стимулировано смысловой стороной категории будущности, содержащей модальный оттенок.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс относят будущее к области неактуальных событий, то есть событий, которые еще не происходили, они

только предстоят и, таким образом, сопряжены с вероятностью, гипотетичностью [8, 51]. Е.И. Шендельс уточняет модальность будущего времени и называет ее модальностью нереализованного действия – «...футурум в своем основном значении обладает семой «нереализованного действия». Из сказанного следует, что осуществление любого действия, относящегося к сфере будущего, гипотетично, предположительно.

Исходя из принятого в настоящем исследовании определения объективной модальности как дихотомического противопоставления форм со значением реальности/ирреальности, представляется возможным отнести модальность гипотетичности к сфере, промежуточной между модальностью реальности и модальностью ирреальности. Это означает, что в одних случаях действия, обозначаемые средствами выражения проспективности, относятся к сфере реальности, а в других случаях их осуществление связано с проблематичностью, неуверенностью.

Исследуемые средства помимо основного и объединяющего значения проспективности и модального значения гипотетичности обладают рядом второстепенных значений, которые являются следствием реализации данных средств в определенных речевых условиях.

Принимая терминологию Б. Трнка, в дальнейшем речь будет идти о случаях выражения исследуемыми средствами нейтральной и модальной проспективности. Реализация этих значений находится в прямой зависимости от контекста, понимаемого как «совокупность формальных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы» [9, 47–49].

Под нейтральной проспективностью понимается передача значения проспективности на фоне модальности гипотетичности, лишённой дополнительных модальных значений; понятие модальной проспективности подразумевает передачу значения проспективности в сочетании с модальными значениями проблематичности, желания, намерения, необходимости, вынужденности, долга, обреченности. Данные модальные значения являются контекстуально обусловленными. Так, значение проблематичности передается сочетанием *would* + инфинитив при наличии экс-

PLICITно выраженных условий, заключенных в придаточном предложении условия, а также в тех случаях, если, например, центр предикации сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным, содержащим *would* + инфинитив, выражен глаголом желанья. Значение намерения реализуется при употреблении конструкции *to be going* + инфинитив с подлежащим, выраженным одушевленным существительным, а значение неосуществившегося намерения реализуется в определенных структурных условиях, в частности, при употреблении *to be going* в сложносочиненных предложениях с противительным союзом «but».

Контекстуально обусловленным можно также считать модальное значение необходимости, выражаемое сочетанием *to be* + инфинитив, которое может реализовываться при наличии определенного лексического наполнения предложения в целом, в виде значения необходимости, вызванной предварительной договоренностью, планом, рекомендацией. Сочетание *to be about* + инфинитив и форма *past continuous* могут выражать, при определенном лексическом наполнении предложения в целом, модальное значение намерения, которое в данном случае также рассматривается как контекстуально обусловленное.

Вопрос о значениях, передаваемых средствами выражения проспективности, тесно связан с вопросом синтаксических структур, в составе которых они употребляются. Средства выражения проспективности функционируют в контекстах прошедшего времени, под которым имеется в виду повествование в романах, повестях. В этих контекстах действие рассматривается с точки зрения прошедшего момента.

Известно, что средства выражения проспективности используются в рамках согласования, «сдвига» времен в косвенной речи, которая, по мнению О.И. Москальской, представляет собой важнейший способ передачи чужой речи, заключающийся в том, что при введении чужого высказывания в актуальную речь, происходят изменения его внутренней синтаксической структуры по категориям лица, времени и модальности [10, 128–129]. Изменения по линии категории лица заключаются в изменении форм лица (универсальное 3-е лицо косвенной речи). Изменения

внутренней структуры высказывания, предназначенного для преобразования в косвенную речь, по категории времени, воплощаются в явлении согласования времен или «сдвиге времен» в терминологии О. Есперсена. Он отмечал также случаи несовпадения формального и реального значения временной формы в придаточном предложении. Известны случаи отсутствия согласования времен как абсолютного употребления времен в придаточных предложениях. Например: *I told you we shall be married in four weeks.*

Общеизвестно, что средства выражения проспективности употребляются в сложноподчиненных предложениях, сказуемое главного предложения которых имеет форму прошедшего времени.

Большинство зарубежных лингвистов (О. Есперсен, И. Крейзинга, Г. Поутсма, Г. Суит, Р. Зандвоорт и другие) считают согласование времен чертой, присущей косвенной речи, однако не ставят вопрос относительно структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений, которыми косвенная речь представлена. Р.Л. Аллен отмечает, что «сдвиг времен» имеет место не только при трансформациях прямой речи в косвенную в плане прошедшего времени, но и тогда, когда мы представляем нечто как невозможное, противоречивое истине, сомнительное [11, 173].

Как правило, под косвенной речью, как уже указывалось выше, подразумевается только сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным, причем центр предикации выражен глаголом, обозначающим речевую деятельность. Такое узкое понимание косвенной речи мы находим, например, у З. Егера [12, 127–128].

И.П. Верховская выделяет и другие типы сложноподчиненных предложений, которые характеризуются теми же чертами, что и сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным, а именно тем же лексическим наполнением главного предложения и характером употребления видовременных форм (преимущественно относительным) в придаточных предложениях. К таким типам И.П. Верховская относит сложноподчиненные предложения с придаточным аппозитивным, с придаточным после формального *it*, с придаточным предикативным [13, 195].

Однако следует подчеркнуть, что в большинстве случаев косвенная речь представлена с придаточным дополнительным.

С точки зрения логико-семантического синтаксиса любое предложение состоит из элементов, указывающих на субъект действия, характер действия, время события, его реальность (утверждение, вопрос, отрицание, предположение) отношение говорящего к этому событию. Такие элементы определяются во многих синтаксических теориях как модус и диктум.

Модус (лат. *modus* – мера, образ, способ) – философский термин, обозначающий свойство предмета, присущее ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях. В лингвистике модус понимается как «тема эксплицитного высказывания» [14, 46], «способ представления действительности – отношение описываемого факта к действительности и говорящего к сообщению» [15, 56], «выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [16, 222].

В настоящем исследовании мы следуем точке зрения В.Г. Гака, что модус выражает способ представления действительности.

Диктум представляет собой «повод эксплицитного высказывания», «процесс, образующий представление», «событие, факт, сообщаемый в предложении». Таким образом, выделение модуса и диктума высказывания обнаруживают двучленную структуру отношений. Разграничение между модусом и диктумом, принятое Ш. Балли, обосновывается в логическом анализе предложения [14, 15, 16].

Ш. Балли определяет предложение как наиболее простую возможную форму сообщения мысли. «Мыслить, – пишет Ш. Балли, – значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая. Иными словами, мыслить – значит вынести суждение, есть ли вещь или ее нет, либо определить, желательна она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была» [14, 43–44].

Логическим выражением модальности служит «модусный» глагол. Модусный глагол представляет собой тот модальный элемент, который определяет общее модальное значение модуса сложноподчиненного предложения.

Для дальнейшего изложения необходимо кратко остановиться на вопросе о модальнос-

ти косвенной речи, поскольку придаточные дополнительные предложения в большинстве случаев передают содержание чужой речи.

Чужое высказывание манифестируется в дополнительном придаточном предложении, представляющем собой диктум сложноподчиненного предложения. Главное предложение, являющееся модусом сложноподчиненного предложения, вводит косвенную речь и передает отношение говорящего к событию, изложенному в придаточном предложении. Например: *he said* – модус, *he went there every day* – диктум.

В плане модальности придаточное предложение в примере, который приводится выше, характеризуется объективной модальностью (событие, изложенное в придаточном предложении, характеризуется как реальное). В этом случае сложноподчиненное предложение представляет собой мономодальный комплекс, так как модальные планы главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения совпадают по линии модальности реальности.

Придаточное предложение может также выражать так называемую пропозициональную модальность, то есть отношение «своего» субъекта к «своему» действию. Например: *He said he might go there*.

Модусу сложноподчиненного предложения свойственна как объективная модальность (соотнесение с действительностью), так и субъективная модальность (отношение субъекта главного предложения к событию, изложенному в придаточном предложении). Некоторые лингвисты объединяют объективную и субъективную модальность под общим названием «предикативная модальность» в противоположность пропозициональной модальности.

В плане субъективной модальности модус сложноподчиненного предложения может обладать эпистемической модальностью (модальность знания – сомнения) и деонтической модальностью (модальность желания – согласия).

В формальной логике под эпистемической (эпистемологической) модальностью понимается характеристика высказывания, включающего такие модальные операторы, как «доказуемо», «опровержимо», а под деонтической модальностью имеется в виду харак-

теристика высказывания, включающего такие модальные операторы, как «обязательно», «разрешено», «безразлично», «запрещено» [17, 691, 139].

Понятие эпистемической и деонтической модальности, которыми может обладать модус сложноподчиненного предложения, тесно связано с вопросом о пресуппозициях говорящего или субъекта действия.

В том случае, когда модус сложноподчиненного предложения обладает эпистемической модальностью (то есть модальностью знания – сомнения), содержание диктума входит в пресуппозицию говорящего или субъекта действия.

Под пресуппозицией понимается «фонд общих знаний», «фоновые знания» собеседников, необходимые для осуществления общения [18].

В тех случаях, когда содержание ситуации, описываемой в диктуме сложноподчиненного предложения, входит в пресуппозицию говорящего или субъекта действия, модус нейтрален и представляет ситуацию диктума как реальный факт. Модусный глагол в таких случаях выражает речемыслительные процессы, восприятие, эмоции. Таким образом, содержание ситуации, описываемой в диктуме сложноподчиненного предложения, может утверждаться, отрицаться, подвергаться сомнению, однако характер и значение диктума как такого не меняется. Значение проспективности в таком случае рассматривается нами как нейтральная проспективность.

Например: *The girl rang back to say that the Colonel was away fishing in Wales and would not return until the following afternoon* (Canning, 27) (содержание диктума входит в пресуппозицию говорящего; говорящий констатирует его как реальный факт). *My voice echoed round the backroom and sounded loud in my ears, but I feared that outside the wind would sweep it away* (Francis, 139) (содержание диктума входит в пресуппозицию говорящего; модусный глагол выражает субъективно-эмоциональную оценку говорящего по отношению к событию диктума).

В ряде случаев модусный глагол выражает желание, волеизъявление, модус сложноподчиненного предложения в таких случаях обладает деонтической модальностью и пред-

ставляет событие, описываемое в диктуме сложноподчиненного предложения, в качестве проблематичного. Поскольку содержание события, описываемого в диктуме сложноподчиненного предложения, не входит в пресуппозицию говорящего, значение проспективности квалифицируется в таких случаях как модальная проспективность. Значение модальной проспективности реализуется и в тех случаях, когда модусный глагол представляет собой глагол, семантически близкий к глаголам желания, волеизъявления. Например: *I wished she would change the subject* (Francis, 70). *I was praying I would not have to kill him* (Greene, 281).

Описанный выше логический анализ сложноподчиненного предложения, основанный на вычленинии модуса и диктума, релевантен при идентификации значений, передаваемых *should/would* + инфинитив в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнительным, аппозитивным, подлежащим. В ряде других типов сложноподчиненного предложения для выделения значений нейтральной и модальной проспективности этот анализ оказывается нерелевантным. Речь идет, в частности, о сложноподчиненном предложении с придаточным определительным, цели, причины. В этих случаях проводится анализ лексического наполнения сложноподчиненного предложения в целом, за счет которого и происходит реализация значений нейтральной и модальной проспективности, передаваемых исследуемыми средствами.

Под лексическим наполнением понимается употребление лексем, из значения которых складывается содержание предложения, а также употребление усилительных модальных слов, существительных и прилагательных оценочного характера, модальных словосочетаний [8, 78].

Е.И. Шендельс считает, что всю гамму временных отношений обеспечивает не только грамматика, роль которой, безусловно, велика в том, чтобы заставить каждый глагол облечься в определенную временную форму. Детализация и конкретизация обеспечиваются лексикой, коммуникативной ситуацией, пресуппозицией партнеров коммуникантов [19, 75].

Средства выражения проспективности функционируют не только в рамках косвенной речи, представленной, как указывалось выше,

определенными синтаксическими структурами, но также и в различных структурно-семантических типах предложений. Так, сочетания *would* + инфинитив и *should* + инфинитив употребляются в сложноподчиненном предложении в рамках выражения косвенной речи, восприятия и эмоций, а также в несобственно-прямой речи, которая является стилистическим приемом, характерным для художественной литературы и в которой автор передает мысли и чувства персонажа в виде «потока сознания». Другие средства (*to be going* + инфинитив, *to be* + инфинитив, *to be about* + инфинитив) употребляются в значении проспективности не только в различных типах сложноподчиненного предложения, но также сложносочиненных и простых предложениях. Например: *They were not going to waste another bullet* (Greene, 267).

Таким образом, объединяющим общим значением для данных средств является значение проспективности. Однако средства выражения проспективности отличаются различными смысловыми оттенками, сферой употребления, частностью.

Понятию будущего, равно как и будущего в прошедшем, свойственна модальность гипотетичности, которая не противоречит модальности реальности.

Семантика средств выражения проспективности характеризуется двумя основными линиями – значением нейтральной и модальной проспективности. С целью делимитации указанных значений целесообразно применить в одних случаях логический анализ предложения, основанный на дихотомии модус – диктум, а в других анализ микроконтекста (лексического наполнения) предложения.

Функционирование средств выражения проспективности целесообразно рассмотреть в рамках косвенной речи, а также сложноподчиненных предложений, передающих восприятие, эмоции и в несобственно-прямой речи. Дифференцированный подход к исследованию данных средств оправдан тем, что для каждого вида речи характерно употребление определенных средств выражения проспективности.

16.08.2012

Список литературы:

1. Плоткин, В.Я. Грамматические системы в английском языке / В.Я. Плоткин. – Кишнев: Штиинца, 1975. – 127 с.
2. Сатель, М.Э. О языковом варьировании и факторах его ограничения / М.Э. Сатель. – Москва, 1979. – 219 с.
3. Адмони, В.Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1975. – №1. – С. 39–54.
4. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – Москва: Изд-во литература на иностранных языках, 1950. – 440 с.
5. Слюсарева, Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – Москва: Наука. – 1986. – 214 с.
6. Бархударов, Л.С. и др. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штеллинг. – Москва: Высшая школа, 1973. – 423 с.
7. Ярцева, В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков / В.Н. Ярцева. – Москва: Наука, 1975. – С. 5–23.
8. Гулыга, Е.В. и др. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – Москва: Просвещение, 1969. – 184 с.
9. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – №1. – С. 94–98.
10. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – Москва: Высшая школа, 1981. – 183 с.
11. Allen, W.S. Living English Structure / W.S. Allen. – London: Longman, 1974. – 338 с.
12. Jdger, S. Der Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart / S. Jager. – Dusseldorf, 1971. – 209 с.
13. Верховская, И.П. Видо-временные формы в английском сложноподчиненном предложении / И.П. Верховская. – Москва: Высшая школа, 1980. – 112 с.
14. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Изд-во литература на иностранных языках, 1955. – 416 с.
15. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка (синтаксис) / В.Г. Гак. – Москва: Высшая школа, 1986. – 219 с.
16. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
17. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – Москва: Наука, 1975. – 720 с.
18. Арутюнова, Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР СЛЯ. – 1973. – Т. 32, №1. – С. 84–89.
19. Шендельс, Е.И. Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений / Е.И. Шендельс // Вопросы языкознания. – 1962. – №4. – С. 78–83.
20. Canning, V. Birdcage / V. Canning. – London, 1980. – 213 p.
21. Francis. Knock-down / Francis. – 1985. – 205 p.
22. Greene, G. The Honorary Consul / G. Greene. – USA, 1967. – 310 p.

Сведения об авторе:

Сахарова Наталия Сергеевна, заведующий кафедрой иностранных языков естественно-научных и инженерно-технических специальностей Оренбургского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1203б, тел. (3532) 372433, e-mail: nssakharova@mail.ru

UDC 811.111'37

Sakharova N.S.

Orenburg state university, e-mail: nssakharova@mail.ru

LOGICO-SEMANTIC APPROACH TO THE INVESTIGATION OF PROSPECTIVITY MEANS IN ENGLISH

The article is devoted to the microsystem of prospectivity means in English. Logico-semantic analysis is applied. Dictum semantics is described from the point of view of modus.

Key words: modus, dictum, semantics, microsystem, prospectivity, modality.

Bibliography:

1. Plotkin, V.Ya. Grammatical systems in English / V.Ya. Plotkin. – Kishiniov: Shtiintsa, 1975. – 127 p.
2. Satel, M.A. On language variation and its limitation criteria / M.A. Satel. – Moscow, 1979. – 219 p.
3. Admoni, V.G. Status of generic grammatical meaning in language system / V.G. Admoni // Language Learning Aspects. – 1975. – №1. – P. 39–54.
4. Smirnitsky, A.I. English language morphology / A.I. Smirnitsky. – Moscow: Foreign language press, 1950. – 440 p.
5. Slusareva, N.A. Problems of functional morphology of English / N.A. Slusareva. – Moscow: Science, 1986. – 224 p.
6. Barkhudarov, L.S. English grammar / L.S. Barkhudarov, D.A. Shtelling. – Moscow: Higher school, 1973. – 423 p.
7. Yartseva, V.N. Grammatical categories: hierarchy and typology / V.N. Yartseva. – Moscow: Science, 1975. – P. 5–23.
8. Gulyga, Ye.V. Grammatical-lexical fields in modern German / Ye.V. Gulyga, Ye.I. Shendels. – Moscow: Education, 1969. – 184 p.
9. Kolshansky, G.V. On the contents of modality category / G.V. Kolshansky // Language learning aspects. – 1961. – №1. – P. 94–98.
10. Moskalskaya, O.I. Grammar of text / O.I. Moskalskaya. – Moscow: Higher school, 1981. – 183 p.
11. Allen, W.S. Living English Structure / W.S. Allen. – London: Longman, 1974. – 338 p.
12. Јдгер, S. Der Konjunktiv in der Deutschen Sprache der Gegenwart / S. Jager. – Dusseldorf, 1971. – 209 p.
13. Verkhovskaya, I.P. Tense and aspect forms in English complex sentence / I.P. Verkhovskaya. – Moscow: Higher school, 1980. – 112 p.
14. Bally, Sh. General linguistics and French / Sh. Bally. – Moscow: Foreign language press, 1955. – 416 p.
15. Gak, V.G. Theoretical grammar of French (syntax) / V.G. Gak. – Moscow: Higher school, 1986. – 219 p.
16. Zvegintsev, V.A. Sentence and its relations to language and speech / V.A. Zvegintsev. – Moscow: Moscow State University Press, 1976. – 307 p.
17. Kondakov, N.I. Dictionary of logics / N.I. Kondakov. – Moscow: Science, 1975. – 720 p.
18. Arutynova, N.D. Presupposition in linguistics / N.D. Arutynova. – 1973. – P. 84–89.
19. Shendels, Ye.I. Compatibility and incompatibility of grammatical and lexical meanings / Ye.I. Shendels // Language leaning aspects. – 1962. – №4. – P. 78–83.
20. Canning, V. Birdcage / V. Canning. – London, 1980. – 213 p.
21. Francis. Knock-down / Francis. – 1985. – 205 p.
22. Greene, G. The Honorary Consul / G. Greene. – USA, 1967. – 310 p.